

Литературный МОЯК

№ 8
(258)

Слово редактору

*Любезный
читатель,
здравствуй!*

*Спелая осень,
Высокое небо,
Ветер пахнет
Дождём и яблоками...*

Такие строчки пришли в голову в тот день, на берегу родного Кубенского озера, в благословенной Сяме...

Да, посчастливилось, снова побывал там... С группой вологодских путешественников... И мы помолились в храме Мартина Белозерского о рабе Божьем Владимире (Гиляровском), послушали рассказ Валерия Кумзерова об истории Сямы. Казалось бы, не раз я бывал там, не раз писал о тех местах, а опять узнал новое, потому что история любого места - это глубокий колодец, и чем больше из него черпаешь, тем чище вода знания, тем больше её, ибо колодец этот неиссякаем...

Ну а если не черпать из колодца - затынет его грязью и тиной, обвалится сруб, зарастёт яма дурной травой... Но это ведь от нас зависят чистота и глубина колодцев нашей истории, памяти. И стоит зачерпнуть из такой ямы, и со дна тут же забьёт животворный родник, и яма снова превратится в колодец.

Мы стояли на краю смиренного деревенского кладбища близ деревни Горки - места упокоения многих и многих рыбаков, крестьян, тружеников и тружениц; у развалин Покровского храма, в котором венчались родители Владимира Гиляровского, крестили его самого, в котором молился и исповедовался вместе с семьёй и будущий великий авиаконструктор Сергей Ильюшин...

Тысячелетия и века сошлись на этой горке. Как рыбацкая лесьа натянута здесь нить истории - от рыболовецких бригад, выводивших свои катера в озеро и распускавших в нём невод, до тех немисливо далёких, но родных нам людей, выводивших в это же озеро свои лодии... Дёрнешь за один конец этой лесьы, а на другом живой тугой силой отзовется рыба-память...

*Старый рыбак
молодому
Отдаст
заповедные
снасти...
Тянется лесьа
жизни
«Дорожкой»
времени...
ДМИТРИЙ
ЕРМАКОВ*

В «Рубцовскую осень» - с книгой об отце поэта

Леонид ВЕРЕСОВ

В Вологде состоялся XXII Открытый фестиваль поэзии и музыки «Рубцовская осень».

Одним из самых значимых событий фестиваля стала презентация книги Леонида Вересова «Михаил Андрианович Рубцов. Документальная история жизни отца поэта Николая Рубцова», изданной к 120-летию М. А. Рубцова.

Публикуем фрагменты ещё одной, последней, главы книги.

Судьба отца поэта

В архивном фонде Вологодской духовной консистории в метрической книге Спасо-Преображенской Стрелицкой церкви Тотемского уезда за 1899 год указано, что в семье крестьянина дер. Самылково Андриана Васильева Рубцова и его жены Раисы Николаевы 12 сентября родился сын Михаил. Крещён 19 сентября (запись № 126)...

... Отец Николая Рубцова взлетел довольно высоко по чиновничьей лестнице, но оступился, и хотя остался на ней, но уже «ближе к земле»...

Первым карьерным шагом демобилизовавшегося в 1921 году красноармейца Михаила Рубцова стало приобщение к кооперативному движению на селе...

К 1929 году Михаил Андрианович стал заведующим торговельно-ремесленного района Толшменского районного общества потребителей, то есть хозяйственным районного масштаба. К этому времени относится и вступление его в члены ВКП(б). Должность требовала, да и сам Михаил понимал, что ему с партией по пути. Как писал его сын много позднее, «Надо быть с коммунистами рядом»...

На молодого коммуниста обратили внимание, новому территориальному образованию нужны были кадры. И 22.08.1931 года М. А. Рубцов был направлен в распоряжение крайкома Северного края.

В Вологде Рубцовы получили служебное жильё по адресу, который сохранился в учётной карточке от 27 августа 1931 года: Вологда, ул. Урицкого, д. 10, кв. 2. Дом был деревянный, но в центре города и с телефоном. До апреля 1933 года он занимал пост председателя правления Вологодского леспотребсоюза. Эти полтора года (точнее, год и восемь месяцев) были вершиной служебной

карьеры Михаила Рубцова.

В 1933 году он был осужден к одному году условно по статье 109 УК РСФСР («злоупотребление властью или служебным положением»). Из сохранившихся документов видно, что вина М. А. Рубцова была незначительна, поэтому он отделался минимальным наказанием, но с должностью, на которой он проштрафился, пришлось расстаться.

Согласно регистрационному бланку члена КПСС при обмене партдокументов коммунист М. А. Рубцов с 04.1933 года по 10.1934 года занимает должность начальника отдела рабочего снабжения Вологодской сплавконторы Северного края. Затем по приказу партии М. А. Рубцов и семья его отправляются в село Емецк Емецкого района Северного края. Там Михаил Рубцов занял всё ту же должность начальника отдела рабочего снабжения Емецкого леспротомхоза.

Он был на этом трудовом посту с 09.1935 года по 08.1937 года. Потом был переведён в Няндомский район Архангельской области начальником отдела кадров Райтрансторгпита Няндомского леспротомхоза и трудился в этой должности до 10 января 1938 года...

Из следственного дела НКВД 1938 года № П-5551 архива регионального управления ФСБ России по Архангельской области, которое имеет довоенную маркировку как следственное дело № 19 368, мы узнаём, что Михаил Андрианович Рубцов вместе с руководителями Райтрансторгпита, организации, в которой работал, был арестован по ложному обвинению, и им были предъявлены якобы доказательства вины по статье 58, пункт 10 и 11 УК РСФСР. С 10 января 1938 года по 31 марта 1939 года Михаил Рубцов провёл как заключённый в Няндомской тюрьме и в Архангельской тюрьме № 1.

Леонид Вересов с книгой об отце Николая Рубцова

Из постановления по следственному делу № 19 368 от 25 марта, стр. 148 - 150: «Принимая во внимание, что обвиняемые по делу содержатся под стражей длительное время, что собранных следственных материалов недостаточно для предания обвиняемых суду, НКВД по Архангельской области постановил: следственное дело № 19 368 прекратить и сдать в архив. Обвиняемых из-под стражи немедленно освободить. Изъятые при обыске документы, переписку и ценности возвратить по принадлежности. Март 1939, г. Архангельск».

Согласно записи в регистрационном бланке члена ВКП(б) от 5 июня 1939 года, восстановленному в члены ВКП(б) М. А. Рубцову партбилет выдан решением Няндомского райкома Архангельской области 23 апреля 1939 года. А ещё раньше, в марте 1939 года, он получил должность инструктора-ревизора Няндомского райпотребсоюза.

В январе 1941 года семья Рубцовых переезжает в Вологду...

С марта 1942 года по февраль 1944 года Михаил Андрианович Рубцов служил в 250 полку конвойных войск НКВД. Но вскоре по болезни был признан негодным к военной службе. Уже с начала 1944 года он в селе Сидорова Лежского района начальник ОРСа Монзенского ЛПХ, и в том же 1944 году - в Вохтоге в должности заместителя начальника Вологодского военторга по снабжению закупал продовольствие для нужд фронта...

По документам М. А. Рубцов с мая 1949-го по сентябрь 1951 года замначальника Вологодского отделения Военторга (в другой анкете - начальник торгового отдела Военторга), а уже с декабря 1951 года по июнь 1952 года он заведующий транспортным отделом пивзавода в Вологде. Какое-то время работал зав-пекарней №4 ОРСа Второго отделения Северной железной дороги, ну а дальше плотник ОРСа Седьмого отделения СЖД с весны 1953 года, и пенсия с ноября 1959 года как «венец» карьеры.

Когда он впервые встретился со своим сыном Николаем в 1955 году, то уже не был бодрым коммунистом на должности, а, пожалуй, сам нуждался в поддержке и помощи. Умер Михаил Андрианович Рубцов в Вологде 29 сентября 1962 года. Николай Рубцов, тогда студент Литературного института, был «на картошке» и приехал, скорее всего, на 40-й день уже на могилу отца.

Таков был земной и трудовой путь отца русского национального поэта Михаила Андриановича Рубцова, человека самобытного, порядочного, хозяйственного, верящего в идеалы коммунизма и любящего свою семью и детей. В его жизни были взлёты и падения, но не было подлости и измен. В какой-то мере судьба коммуниста Рубцова - это вариант типичной судьбы человека, принявшего власть партии большевиков и её идеалы, готового верить в них и страдать за них...

Многие названия рек в Вологодской области повторяются не по одному разу. Так, у нас есть две Двиницы, три Вотчи, четыре Шингаря и целых одиннадцать рек носят название Печеньга! А вот довольно крупная (103 км) река Тошня, основной приток Вологды, может считаться единственной в своём роде. Более того, даже за пределами Вологодчины второй Тошни нигде не отыскать. Чем же уникален этот топоним и, самое главное, как он возник и что означает?

Впервые название Тошня документально зафиксировано в духовной грамоте (завещании) московского великого князя Дмитрия Ивановича Донского от 1389 года, где говорится, что «сына своего, князя Петра, благословляю куплю же своего деда Оуглечем полем и что к нему потягло, да Тошною и Сямою». Топоним Тошня в данном случае обозначал не только реку, но и все заселённые и обрабатываемые земли по её берегам. Ясно, что он возник раньше XIV века. Позднее, в документах семнадцатого столетия, часто встречается наименование Тошенской или Тошемской волости Вологодского уезда, а сама река носила название Тошна или как более редкий вариант - Тошма.

Из исторических источников можно вспомнить также упоминаемый в уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича от 1137 года погост Тошма. Учёные уже давно спорят о его местоположении. Так, известный историк Н. М. Карамзин считал, что под этим именем скрывается селение при впадении реки Тотьмы в Сухону, из которого впоследствии вырос

Единственная Тошня

одноимённый город. Автор этих строк в своё время высказал мнение о локализации новгородского погоста в устье реки Толшма (в народе произносится как Тошма), на месте современного села Красное в Тотемском районе. А вот советские историки А. П. Афанасьев и В. А. Кучкин предполагали, что Святослав отправлял своих тиунов из Новгорода собирать дань пушниной на погост при слиянии рек Тошни и Вологды...

Подтверждением последней версии служит наличие укрепленного земляными валами и рвом городища близ Лукьянова - на правом берегу Вологды, чуть ниже впадения в неё Тошни. Правда, археологи после разведки на Лукьяновском городище нашли артефакты, датированные лишь временами после XIV столетия, поэтому соотношение топонима Тошма из княжеской грамоты 1137 года с рекой Тошня и в этом случае остаётся под вопросом.

Из какого же языка возникло уникальное название реки Тошня? В лексике финно-угорских языков не удалось обнаружить ничего похожего на этот топоним. Древние народы чужд и меря, которые жили некогда в окрестностях нынешней Вологды, называли Тошню как-то по-своему, но их название до наших дней не дошло. Правда, почти все крупные притоки самой Тошни носят чуждые и мерянские имена (Кушуба, Коль-

дьюга, Рунас, Шомба, Пудега, Ёма, Шолда), а это значит, что и Тошня первоначально тоже имела своё финно-угорское название... Со временем оно было утеряно, забыто, поэтому истоки топонима Тошня нужно искать уже в древнерусском языке. В позапрошлом столетии учёный филолог И. И. Срезневский составил трёхтомный словарь древнерусского языка по письменным памятникам. В нём он приводит такие фразы: «Биша чолом князю, абы помогль б дным псковичемъ в тошны времена» (т.е. князь просит помочь бедным жителям Пскова в тягостные для них времена) или «Аще ся дастъ челоу къ утошна веремьяни» (т.е. для человека наступили тяжёлые времена). Также слово «тошно» в Древней Руси имело значение

«неприятно, противно».

В «Словаре русских народных говоров», зафиксированном уже диалектную лексику XIX - XX веков, есть слова тошно - «больно, обидно, досадно», тошный - «требующий большого труда, усилий для преодоления», а также любопытная лексема тошная, обозначающая вообще всю нечистую силу.

Таким образом, название реки Тошня могло означать «тягостная, противная, трудная для плавания река». Подобное имя она получила от первых русских людей, заселявших наш край. Известно, что по реке Вологде с глубокой древности проходил важнейший водно-волоковой путь, соединявший Шексню и Сухону. Им пользовались и финно-угорские аборигены, и древние русичи. Поднимаясь на

лодках от Сухоны вверх по Вологде, русские люди подходили к месту слияния двух больших рек, равных по размерам (позднее тут возникли деревни Михальцево и Григорьевское). Нужно было решать, куда плыть дальше - налево или направо? Путь направо по Вологде вёл к волоку на Сизьму и далее - на Шексню, а вот продолжение пути налево приводило в тупик, так как волока в верховьях этой реки не было. Вот и назвали её Тошня. Это был топоним-предупреждение для всех, кто плывал по рекам - «сюда не стоит заплывать, это противная, трудная река».

В подтверждение данной версии можно вспомнить и приведённое выше слово «тошная» - «нечистая сила», ибо в старину русские люди считали, что вся нечисть обитает в местах, непригодных для жизни и для хозяйственной деятельности. Таким образом, Тошня была отмаркирована как «неприятная, неприятная, тягостная» для людей река, куда не стоит «соваться».

Возникновение древнерусского топонима Тошня можно отнести к X - XII векам, когда наш край бороздили охотники за ценной пушниной. Спустя три века началось земледельческое освоение Вологодчины, и по берегам Тошни и её притоков выросли, как грибы, десятки новых деревень. «Противное» название реки не помешало русским крестьянам пахать землю на её берегах, ловить в ней рыбу, строить водяные мельницы... Значение названия со временем было утрачено, и топоним Тошня стал восприниматься лишь как нейтральное по смыслу слово для обозначения реки (так же, как Вологда, Шомба, Пудега...)

Валерий Михайлович Кумзеров живёт в Сяме, занимается изучением истории родных мест.

Вы пытались когда-нибудь заглянуть в прошлые времена, открыть для себя наше далёкое-недалёкое, мир своих бабушек и дедушек?

Поразительную, ранее неизвестную историю родных мест вы откроете, полистав церковные книги.

Вот из клировой ведомости Покровской Сямской церкви узнаём, что в 1916 году в 23-х деревнях прихода проживало более 2-х тысяч жителей, организованных в 471 домохозяйство. В деревне Дилялево, например, в 31 доме проживало 146 человек. А в самой большой деревне прихода Березнике - 74 дома и 323 жителя...

Из исповедной ведомости Покровской Сямской церкви за 1915 год узнаём об уходе на заработки Сергея Владимировича Ильюшина.

Деревня Дилялево, в которой он родился, в 1915 году относилась как раз к приходу Покровской церкви. В записях под номерами 369, 370, 379 и 388 указано об отношении к исповеди 4-х семейств Ильюшиных. Да, именно так записана фамилия, а не Ильюшиных, как пишется теперь фамилия знаменитого авиаконструктора.

Исповедовались семьи Василия Владимировича Ильюшина и Николая Владимировича - старших братьев Сергея Владимировича.

Анна Васильевна Ильюшина (73 года) и дети её Стефан Влади-

мирович (28 лет) и Сергей Владимирович (21 год) на исповеди не были.

Сергей Владимирович родился 30 марта 1894 года, и в 1915 году ему как раз исполнился 21 год. Священником отмечено, что он отсутствовал на исповеди по причине отлучки. В мае 1909 года Сергей Ильюшин в возрасте 15 лет уехал из дома и начал работать на фабрике в селе Яковлевское под Костромой.

В начале 900-х годов в с. Яковлевское работал кирпичный завод крестьянина А. Н. Зубова и крахмало-паточный завод И. Г. Мазихина. Вот на котором из них и начал свою трудовую деятельность наш знаменитый земляк.

В то время в приходе Покровской Сямской церкви существовали три школы, земские Березниковская и Плющевская и церковно-приходская школа в деревне Горка Покровская.

Из клировой ведомости узнаём, что Березниковская земская школа была открыта в 1872 году.

Сергей Владимирович с большой теплотой в зрелом возрасте вспоминал учебу в Березниковской земской школе: «На восьмом году я пошел в земскую школу в селе Березники, в двух с половиной километрах от нашей деревни. Нам преподавали немного предметов - русский язык по книге Ушинского «Родное слово», чистописание, географию, арифметику и обяза-

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Горке Покровской. Фотография Александры Левиной

тельно Закон Божий. Вот, в сущности говоря, всё, что мы изучали. Я окончил школу в 1906 году, но до сих пор наизусть помню десятки стихотворений из «Родного слова». Они были подобраны так, что вызывали у детей любовь к родной природе и своей родине».

Среди учителей того времени было много высокодуховных людей, нашедших своё призвание в просвещении и воспитании крестьянских детей. А Березниковской школе, видимо, с учителями везло особенно.

Из воспоминаний Сергея Владимировича: «В этой земской начальной школе преподавал Александр Владимирович Чевский. Учитель Беляев хлопотал,

чтобы меня взяли учиться дальше на стипендию. Но это ему не удалось. Тогда он договорился с Чевским, и я пять зим ходил к нему заниматься. Это был удивительный человек. Он привил мне любовь к чтению, к знаниям.

Александр Владимирович занимался со мной арифметикой, алгеброй, физикой, геометрией. Я был любознателен, поэтому знания мне давались относительно легко и в учебе я продвинулся значительно».

Поразительно, ведь если бы учителя Беляев и Чевский, действуя по личной инициативе, а не должностной инструкции, не заложили основы знаний школьнику Ильюшину, то не видать бы стране знаменитых самолетов

конструктора Ильюшина.

Сам я никогда не видел Сергея Владимировича, хотя разговоры взрослых, возникающие с каждым его приездом, слышать приходилось.

Но однажды в весеннюю слякоть в начале 60-х годов в Сяме у магазина остановилась неизвестной марки автомашина, в огромном кузове которой перевозился красавец-катер. От взрослых узнали, что машина следует в Дилялево, и скоро придет на охоту сам Ильюшин.

К сожалению, в то время в школе нас не знакомили с историей своего края. По крайней мере, я не могу вспомнить таких уроков. Ничего не говорили о знаменитых земляках. А Ильюшин, надо понимать, в то время уже был легендарной личностью.

Он был трижды Героем Социалистического Труда и кавалером ордена Суворова 1-й и 2-й степеней, восемь раз награжден орденом Ленина (высшим в СССР), девять раз ему присуждали главные Государственные премии.

Вот такие воспоминания разбудили во мне записи в книге Покровской Сямской церкви, развалины которой мы видим всякий раз, навещая могилы близких на кладбище в деревне Горка.

А в книгах этой церкви середины XIX века хранятся тайны рождения Владимира Алексеевича Гиляровского.

Валерий КУМЗЕРОВ Сколько открытий чудных

Светлана ЧЕРНЫШЁВА

Рассказы и сказки Светланы Чернышёвой давно и регулярно публикуются в «Литературном маяке», в различных журналах. Недавно у Светланы Николаевны вышла первая книга - «На одном языке» (издательство «Союз писателей», Новокузнецк). Мы от души поздравляем нашего автора и публикуем два рассказа из этой книги.

На одном языке

На уроке русского мне сложно. И обидно до слёз, потому что в моей семье все с языками дружат. У мамы их даже несколько - русский, английский и китайский. А я с одним не справлюсь... То слова напишу не так. То как иностранец выскажусь - хоть стой, хоть вались на пол со смеху. Одним словом, никудышный.

Мне учительница об этом каждый день напоминает, а потом вообще списки стала составлять, кому в школу без родителей лучше не показываться.

«Ну, - думаю, - это выход! Кто за меня сочинения пишет? Мама».

Это надо было постараться, чтобы замечание в дневник получить, а потом подумать и передумать: маме-то всё равно некогда. Она же из своей газеты ни днём ни ночью не вылезает. Потому что корреспондентом работает в «Вологодских новостях». А эти новости, как птицы, ждётся - не ждётся, а всё равно будут. Так что наша мама в каждый дом заходит, а в собственный - только по воскресеньям.

Космонавты - писатели

Больше всего на свете не люблю контурные карты...

Вот где, например, Волга, попробуй разбери. И дед в этих делах не подсказчик. У него на все вопросы один ответ: в России. А потом закричит по-самоварски, за спину схватится и недотёпой назовёт. Так что лучше самому разбираться.

И только я Волгу научился самостоятельно находить, как дед стал бубнить прямо на ухо:

- Молодец! А машины-то какие были... тоже «Волгами» назывались.

Ещё бы, ведь на этих автомобилях только космонавты и писатели катались. Мечта, а не машина. И что теперь? Накрылась дедова мечта... контурной картой.

Хорошо, что дверь распахнулась. И на пороге оказался замурзанный, словно трубочист, Мишка с усам и бородкой, тоже из грязи. Он торжественно поднял чумазую руку и отбарабанил заученные, видимо, слова:

- Дед Василий! Принимай подарок - машину мечты. Она у моего папы в гараже двадцать лет хранилась, так что почти новая.

- Что ж, - обрадовался дед, - неужто дождался?!

И побежал бегом примерять мечту. А вдруг уже вырос из неё? Шутка ли, столько ждать...

Просто удивительно, что

ням. А в воскресенье школа не работает.

Затосковал я. Одиноким себя почувствовал, и всё тут. Иду по улице, портфель еле-еле волочу. А солнце сияет, словно ему счастья некуда девать. Я даже попробовал глубоко дышать, чтобы этой радости нахвататься. Но от вдоха ещё тяжелее становилось, так как горе проваливалось в самое сердце... Даже ботинок стал сваливаться с левой ноги от одиночества. А потом и вообще затыкался...

«Откуда, - думаю, - этот лопухий щенок взялся? И почему решил полакомиться моим грязным левым ботинком, малосъедобным на вкус?..»

И чем больше я на него смотрел, тем сильнее верилось, что щенок какой-то необыкновенный. Вздохмаченный и белый-белый, словно снег вокруг проталинок. А может, просто просвечивает кожей, потому что худющий? Последний кусок хлеба отдашь...

Точнее, котлету в тесте, из портфеля. Щенку - котлету, а мне - тесто. После такого угощения он вообще перестал от меня отвязываться. Я домой - и он за мной.

- Посиди-ка, - говорю, - здесь! Всё равно не пустят!

Мишкин папа машину решил на деда скинуть. Может, какая-нибудь неполадка? Ну, например, колёса отсутствуют. Или, может, кабина сломалась... Вслух удивляюсь. Но Миш-

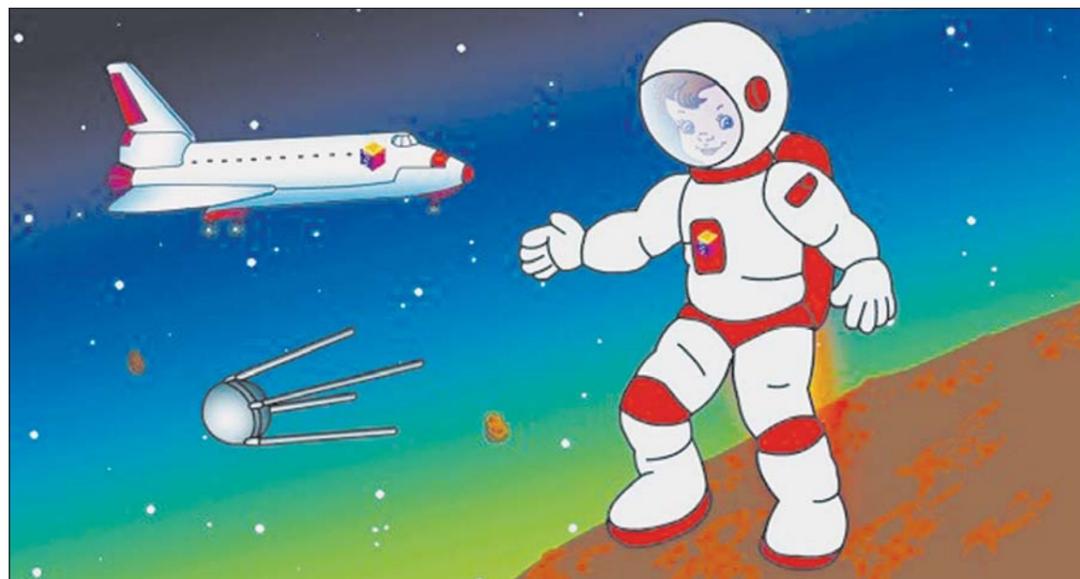
ка только щенок не знал человеческого языка, поэтому носился вокруг меня, будто его пригласили в гости, и радостно лаял.

Ну что тут поделаешь? А может, его и не заметят пару денёчков?.. Мама с газетной работы поздно возвращается,

а папа и совсем в командировке. Неужели в нашем доме места лопухому не найдётся? Он спокойно мог жить у меня под диваном - места-то точно хватает. И мы от счастья совсем расшались и без всякого страха влетели домой. Щенок - первым,

как у Гагарина.

Со скафандром получились сложности, даже вспотел, когда водолазку через шлем натягивал. Но это всё Мишка виноват. Нельзя, мол, скафандр на-

ка напомнил, что кабина - у трактора-трелёвочника, не у легковушки. А его отец взял большой кредит и купил маленькую иномарку. Вот дед и получил мечту старой модели.

Только мечту голыми руками не возьмёшь, нужно ещё какие-то бумажные хлопоты утрясти. Хорошо, что в кошельке, который носил дед в курточном кармане, было достаточно всяких бумажек: рекламные обрывочки, квитанции об уплате за свет и особенно - хорошие новости

ног машиниста! Я то на месте водителя посижу, то на пассажирском поваляюсь. Везде получалось довольно-таки неудобно.

Но решить всё-таки было нужно - космонавт я или писатель? Мишка, тот рассудил: космонавт должен быть в скафандре, а писатель - с пером, то ли гусиным, то ли куриным... И без этого барахла на машине никак не покатаешься. Пришлось войти в образ. На мотоциклетном шлеме я гвоздём процарапал бук-

голую майку натягивать, слишком серьёзные перепады температурные. Конечно, у меня своя голова на плечах есть, но со шлемом она совсем перестала думать. А у Мишки началось:

- Где перо? - спрашивает.

- Отвяжись, иди сам своей костюм писателя собирай!

И посмотрел на него сердито, хуже нашего петуха. Но, с другой стороны, попробуй перо у курицы взять, когда петух рядом...

Мишка к сложностям был не

я - вторым.

Так и стал щенок жить под кроватью. Мама его совсем не замечала. Потому что она неделю замечание в моём дневнике рассматривала и вздыхала. Будто была возможность что-то изменить... А потом у неё поважнее дела появились, новостные.

Так месяц прошёл, а может, и не один. Я за это время научился понимать лопухого. И когда он грустил, скрывая обиды, и когда веселился, гоняясь за своим непослушным хвостом.

Но однажды мама широко распахнула занавески: солнце оказалось в окне, и в комнату впрыгнуло множество солнечных зайчиков. Пошевелили разноцветными ушами и по потолку заскакали. А потом спрыгнули на диван, и ну дразнить щенка. Он решил поиграть с ними в догонялки! Вылез из-под дивана - и сразу за двумя зайцами погнался. Но поймал мамин взгляд, а потом и с папиным повстречался. А солнечные зайцы мигом из комнаты сматились. Им тяжёлые разговоры ни к чему.

- Раньше он был маленьким, и вы его не замечали, - сказал я грустно. - Потом он вырос, но всё равно был незаметным. А сегодня солнечные зайчики вывели его в свет. У нас с ним было много счастливых дней. Мы даже выучили язык, понятный без слов...

Летом мама устроилась на другую работу, и папа перестал пропадать в командировках. В наш дом стали часто заглядывать солнечные зайчики. А щенок перестал за ними гоняться, потому что стал взрослым и серьёзным псом. Но разговаривать по душам стало ещё интересней, потому что он всё-всё понимает.

готов, поэтому домой сбежал и с планшетом явился. Ну что это за писательский костюм? Одно название... Настроение только испортил. А когда он стал навигатором настроивать, я и совсем взбесился.

- Пиши, - говорю, - если на писательское сиденье забрался. Мало того, что без гусиного пера, дак ещё и отвлекаешь.

Мишка надулся, как мыльный пузырь, того и гляди лопнет. И я замолчал. Сидим, молчим, дуемся...

И тут машина вдруг закачалась и двинулась вперёд. Разогналась - эх, здорово! Пыль за ней, как пелёнка, от всех звуков укрывает.

Едем мы, едем... Только волнуемся немного: дорога-то не заканчивается.

- Что-то, Мишка, мы с тобой разъездились, так и потеряется можно.

- Земля, - говорит, - круглая, через год домой вернёмся! А может, через два?..

- Ты как хочешь, а мне есть захочется, и к дому потянет земным притяжением.

И после этих слов случилось чудо: бензин закончился.

Тогда я спустился на землю и обомлел от восторга. Потому что впервые увидел прекрасную поляну с бирюзовыми цветами-незабудками. Авдали виднелась наша деревушка. И я понёсся напрямик по нескошенной траве. Ведь так хотелось первым вернуться домой!..

А что там Мишка понаписал - сами у него спрашивайте.

«Старый дом за углом - не могу на тебя наглядеться, Помнит он о былом, о далеком курносом детстве».

В. Орлов

В середине 50-х годов семья, где росли братья-погодки Федька и Алёшка, семи и шести лет, приобрела патефон. Эту темно-синего цвета технику с блестящим звуконосителем и диском для пластинок, покрытым темно-зеленым бархатом, интересно было послушать не только Орловым. Познакомиться со звуковой новинкой забегали и соседи. Они дружно занимали места за столом, усаживались поудобнее, тихо переговариваясь между собой, и с интересом наблюдали за движениями рук хозяина дома. Отец мальчишек ставил музыкальную чудо-технику на стол, бережно, не спеша открывал ее, вставлял ручку в заводное отверстие и медленно начинал крутить. Переместив небольшой рычаг слева, он еще более внимательно и аккуратно ставил звуконоситель на пластинку, которая уже вращалась вместе с диском. Наступало поразительное молчание. После нескольких секунд шипения происходило волшебство. Игла извлекала звуки музыки и голоса. До слушателей доносилось звучание разных инструментов, названия которых мальчишки еще не знали. Слова «скрипка», «свирель», «балалайка» были в их детском словаре, а вот «тромбон» и «кларнет» ни о чем не говорили.

Наступил субботний декабрьский вечер. Большие круглые часы с римскими цифрами, занимавшие видное и почетное место на боковой стене под самой подволокой, пробили четыре раза.

- Значит, уже четыре часа, - подумал Алёшка, не глядя на циферблат с еще непонятными для него обозначениями.

Становилось всё темнее. Сумерки сгущались прямо на глазах. На небе бесились тяжелые мрачные тучи, готовые сбросить на деревню уже с трудом удерживаемые снежные осадки. Ребята стояли у переднего окна, уткнувшись в стекло лбами, как любили делать в это время суток. Они, пристально вглядываясь в вечерний сумрак деревенской улицы, уже едва улавливали очертания палисадников, полениц с дровами и даже соседских изб. Только припорошенные еще не толстым слоем снега крыши выдавали их расположение. Кое-где в темноте желтоватым светом вспыхивали небольшие квадратики окон.

Братья тут же громко сообщили:

- В том конце свет уже зажигают!

Этот возглас означал лишь одно - пора и им заканчивать сумерничать.

Мать взяла коробок спичек, осторожно принесла с кухни лампу с круглым металлическим абажуром. Повесив ее на тонкую цепь, свисавшую с матицы, вынула стекло, аккуратно чиркнув спичкой, зажгла фитиль лампы и одновременно покрутила колесико регулятора пламени.

- Какая непогодь за окном! Не видно ни зги! - произнесла бабушка, приподнимая занавеску и внимательно всматриваясь в вечернюю тьму, в которую всё глубже погружалась деревня. Поняв, что внукам не совсем

знакома прозвучавшая фраза, тут же заменила ее:

- Кромешная тьма, ничего не видно!

- Правильно и сделали, что не пошли в клуб. На улице целое светопреставление! Ветер дул бы прямо всочь, а идти не двести метров, - слышались из кухни вместе с бряканьем ведер слова матери, обращенные к старшим детям, - Заведёте патефон, может, кто-нибудь из девчонок забежит.

- Обещали. Скоро, наверное, будут, - ответила одна из сестер, разглядывая у комода новые фотографии.

- Опять «Тиритомбу» будит заводить, - радостно восклик-

нул Алёшка. Ему очень нравилась эта совсем недетская песня с интересным, непонятым названием и какими-то необычными, даже странными словами.

Прошло какое-то время, и у крыльца послышался шум. - Похоже, гости, - проговорил отец, который недавно пришел с работы и еще не успел погрузиться в чтение номеров «Красного Севера» и «Маяка». - Вам нечего в комнате делать. Днем все улусы выбегали, забегайте на печь, посидите спокойно, - строго приказала мать. - Чтобы вашего баловства не видно и не слышно было, - полусепотом произнесла бабушка, когда Федька уже был наверху, а Алёшка еще стоял на нижнем приступке печки.

- Чего бабушка-то шептала? - тихонько спросил Федька младшего брата.

- Чтобы ты ничего не ка-нючил! - как можно серьезнее почти по слогам проговорил Алёшка фразу, выделив интонацией последнее слово. Его, бывало, использовала мать, когда братья чересчур настойчиво добивались чего-то. Не успел Федька среагировать на слова и последующий смех Алёшки, как в сенях раздались шаги, и в дверь постучали.

- Не много ли вас, не надо ли нас? - прозвучали скромные девичьи голоса.

- Заходите, заходите! - раздалось в ответ. - Раздевайтесь! Поприветствуйте хозяев, повесив верхнюю одежду на вешалку у дверей, гости прошли в переднюю, заняли места на деревянных диванах вокруг стола, где уже наготове стоял открытый патефон и стопка пластинок в простых бумажных конвертах. Лампа, свисавшая с потолка, отчетливо освещала выражения лиц слушателей. Их тени были разбросаны источником света по голубоватым обоям стен, светлым однотонным занавескам с ажурной ручной вязкой, коричневому полу и печке. Улыбки, хорошее настроение гостей передавалось и хозяевам. Весело провести время, пообщаться, послушать песни нечасто приходилось жителям деревень, которые вынуждены были много работать независимо от времени года. Разгоревшаяся пламя керосиновой лампы позволяло лучше разглядеть и лица родных, родственников, друзей на фотографиях, которые были бережно вставлены в коричневые рамки, смастерен-

ные отцовскими руками, и развешены над окнами комнаты. В эти моменты и они становились как бы участниками таких музыкальных посиделок.

Забравшись на печку, заняв лучшие для обозрения места у переборки, подальше от задвижки, чтобы случайно не задеть ее головой, а еще хуже, не удариться о ее тонкие острые края и не пораниться, братья наблюдали за действием, происходившим внизу. Аромат духов гостей доходил до них, и пацаны, зажмурив глаза, с силой вдыхали их запах, покачивая головой и нарочито изо-

бражая наслаждение. Одновременно прикрывали ладошками рты, чтобы не рассмеяться и не навлечь на себя гнев старших. Пластинок покупали в Вологде. Среди множества песен были и какие-то совсем странные, например, «Из-под камушка быстра речка».

Песня звучала очень выразительно, но братьям было непонятно, почему молодчик просит стрелу убить не только серую утку, но и красную девицу. Они обращались с подобными вопросами чаще всего к бабушке Анне, которая старалась отвечать доступным для внуков языком, не столь мудрено, как иногда делала в беседах со взрослыми:

- Наверное, она его обидела.

- За это и стрелять нужно? - проговорил Алёшка, продолжая диалог.

- Молодчик в расстроенных чувствах пустил стрелу просто в воздух, - терпеливо продолжала отвечать бабушка.

Ее любимой песней была «Во лесочке комарочков», а мальчишки опять недоумевали, почему «красной девице нельзя в лесу погулять, мураву-траву помять, цветочков порвати».

- Неужели так комаров боится? - восклицали они почти шепотом и продолжали строить догадки: - Может, мать не отпускает или после болезни а может, дома надо что-то срочное сделать.

Отцу нравилась Лидия Руслана и ее «Златые горы». Любил он слушать и песню «Наташа», видимо, потому, что так звали одну из его дочерей.

За поля, за ворота родного села В золотистой косынке Наташа пошла.

Песня очень красивая. Слова в ней были какие-то свои, родные,

ведь и лужок, и поля, и рожь, растущая на этих полях, - всё это такое близкое, такое знакомое, стоит только выйти за околицу деревни. Музыка под стать словам - неспешная, приятная для слуха, легко запоминающаяся. Неслучайно после однократного прослушивания ее можно было напевать в семейном хоре.

- Когда же поставят «Тиритомбу»? - уже не первый раз повторял Алёшка, опираясь зубами о верхний край переборки.

Отец не разрешал младшим детям самостоятельно заводить пластинки, потому что при неаккуратном обращении эти хруп-

та, а в глубине души надеялись, вдруг во время очередного проигрывания пластинки молодой человек избежит ударов палкой, которой так свирепо размахивал старик.

Песня заканчивалась, герой песни вопреки ожиданиям сидящих на печке маленьких слушателей снова пропел: «Он избил меня мгновенно!», что не могло не огорчить их.

Пока взрослые обсуждали, что бы поставить дальше, «Тиритомба» продолжала звучать в головах юных любителей музыки. Вскоре ее заглушала очередная мелодия, выбранная гостями.

Вечер подходил к концу, огонь в лампе начинал мигать: то тускнеть, то гореть ярко. Матери приходилось чуть-чуть встряхивать лампу, чтобы керосин лучше поступал по фитилю к пламени, но оно успокаивалось ненадолго, потому что керосина оставалось уже совсем мало. Это было сигналом заканчивать музыкальную встречу. Гости благодарили за предоставленную возможность пообщаться в такой интересной обстановке.

- Ну, напоследок какую пластинку еще разок поставить? - спрашивал отец. Тут Алёшка не выдержал, громко крикнув с печки: «Тиритомбу!»

Это вызвало звонкий смех гостей, но заявка была принята, и все с удовольствием слушали песню еще раз.

При последних аккордах отец останавливал вращение диска, снимал пластинку, прятал звуконоситель с ручкой внутрь патефона и закрывал его. Сестры вставляли грампластинки в конверты, аккуратно складывали в стопку и убирали вместе с патефоном на комод. Гости продолжали делиться впечатлениями, упоминали как знакомые, так и новые песни и произносили названия классических произведений: рапсодия, ноктюрн, полонез.

Уж как пацанам хотелось поддержать эти пластинки, ощутить своими руками материал винил, из которого они сделаны. У Федьки было большое желание прочесть, что еще написано на круглых этикетках, кроме названий песен. Иногда такая возможность предоставлялась. В дневные часы, когда дома находилась только бабушка, он подходил к комоду, заинтересованно бросая взгляд на коробку. Заметив это, бабушка, сидевшая рядом за подушкой с кружевоплетением, разрешала аккуратно взять в руки пластинку и прочитать вслух название, авторов и исполнителей.

Спустя какое-то время и Федька, и Алёшка могли с легкостью по первым аккордам определить произведения Шопена и Моцарта, Чайковского и Свиридова, хотя серьезная музыка в доме звучала реже, чем песни. Не ставили ребят в тупик слова «увертюра» и «соната». С видом знатоков они могли спросить сверстников, знают ли те, что такое «болеро», «чардаш», другие слова, и, если требовалось, могли объяснить их значение.

Так проходили просветительские музыкальные вечера для взрослых в доме Орловых, так начиналось приобщение подрастающего поколения пятидесятых к песенному и музыкальному искусству.

Николай СОКОЛОВ

«Тиритомба»

Художник Н. Соколов